

Бабков Д.И., кандидат исторических наук, Севастопольский государственный университет (Россия)

ДЕЛО МЕНДЕЛЯ БЕЙЛИСА И ПОЗИЦИЯ ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА

Предметом представленной работы является парадоксальная позиция В.В. Шульгина (1878-1976), русского политика первой трети XX в., в одиозном «деле Бейлиса». В этой истории сам Мендель Бейлис стал разменной монетой в политической борьбе защитников устоев традиционализма и монархии со сторонниками либеральных и революционных взглядов. Имевший репутацию убеждённого монархиста и антисемита, Шульгин неожиданно встал на защиту обвиняемого — еврея по национальности, чем вызвал бурю в тогдашнем российском обществе. Не поддержал он и миф о «кровавом навете» — обвинении евреев в убийстве иноверцев (как правило, детей) ради получения их крови в ритуальных целях. Соратники по правому лагерю отвернулись от него, а идейные противники, наоборот, с восторгом поддержали. Не только современники, но и и последующие исследователи обращались к поступку Шульгина, высказывая предположение о мотивах его демарша. Но в силу различных причин, по нашему мнению, не дали верного объяснения. Как итог исследования источников по данному вопросу, предлагается авторская трактовка мотивации Шульгина. Делается вывод о том, что, став невольным «адвокатом» еврея Бейлиса и защищая целый народ от «кровавого навета», Василий Витальевич этим самым спасал честь русской власти, русского народа и России. В глазах Шульгина будущую опасность представляло вовлечение евреев в политику, чем глупое обвинение их в ритуальных убийствах. Против политизации еврейства он выступал резко и категорично. Некоторые аргументы, которые он использовал, сейчас очевидно вызовут осуждение, но в условиях политической и правовой системы Российской империи высказывания Шульгина были вполне допустимы.

Ключевые слова: В.В. Шульгин и «дело Бейлиса», антисемитизм, «Киевлянин», монархия, суд, Россия и русский народ.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-15-30

Введение. Василий Витальевич Шульгин был одним из известнейших правых политиков своего времени. Он воспринимался не иначе как убеждённый монархист, русский националист и антисемит.

Однако некоторые факты из его биографии входят в противоречие с установившимся клише. Так заявляя о своей приверженности монархии, Шульгин вместе с А.И. Гучковым в марте 1917 г. принимает отречение от власти императора Николая II, участвует в переговорах с великим князем Михаилом, где фактически отговаривает его от принятия престола. Являясь «потомственным» антисемитом, в октябре 1905 г. с отрядом солдат ограждает евреев в пригороде Киева Демиевке от погромщиков, а спустя несколько лет выступает против обвинения еврея Бейлиса в причастности к убийству русского мальчика Андрюши Ющинского. Такие парадоксы в поведении Шульгина ставили в тупик не только современников, но и исследователей, которые склонны были объяснять это «противоречивостью его натуры», не всегда верно, как нам кажется, объясняя мотивы действий Шульгина.

Данное обстоятельство в полной мере проявилось и в оценке поведения

Шульгина в скандальном «деле Бейлиса», что подводит к необходимости изучения причин, заставивших Василия Витальевича занять неожиданную для политических стереотипов позицию.

Методы. Демарш Шульгина и политический фон, на котором проходил процесс, породили разные версии мотивов его действия как у современников, так и у позднейших исследователей. Автором проведен анализ этих оценок, а также позиции самого Шульгина, представленной в его публикациях и воспоминаниях, с применением диалектического и сравнительно-исторического методов.

Историографию вопроса можно разделить на следующие группы: 1) публицистика и воспоминания современников «дела Бейлиса»; 2) публицистические и научные исследования Киевского процесса 1911-1913 гг.; 3) авторские статьи в «Киевлянине» и воспоминания В.В. Шульгина о тех событиях.

Газетные публикации того периода были наполнены в значительной мере эмоциями, а не анализом дела. Как точно выразилась Н.Ю. Казакова в своём материале о философе В.В. Розанове и «деле Бейлиса»: «Экстремальность момента

требовала политической однозначности, а не размытой философичности оценок» [13, с. 114]. Журналистам, политическим и общественным деятелям было не до тонкостей мотивов Шульгина, что отразилось и на их оценке: восторг слева и оскорбления справа без попытки понять, что стояло за этим. Такие взгляды переключались и в позднейшие воспоминания участников событий начала XX в. Анализ данной группы источников помогает лучше понять атмосферу, царившую вокруг как самого дела, так и отношение противников и соратников Шульгина к его поступку.

По второй группе публикаций необходимо сказать, что почти все авторы, писавшие об этом процессе, упоминали фигуру Шульгина и связанный с его статьями резонанс. Предпринимались ими и попытки дать объяснение мотивов позиции Василия Витальевича, как правило кратко, без анализа. Объясняется это тем, что предметом исследования выступал процесс над Бейлисом, а не деятельность Шульгина. Исключение составляет работа С.М. Саньковой, посвященная реакции Шульгина на суд и последствия публичной критики им следствия и суда [24]. Публикации историков в плане оценок действий Шульгина в целом сохраняют нейтральность, а вот публицистические работы нередко носят полемический характер и являются продолжением дискуссий начала XX в., иногда доходя в аргументации своей позиции до абсурдности.

Наибольшую ценность для понимания негативного отношения В.В. Шульгина к делу о «кровавом навете» и попыткам обвинения Менделя Бейлиса, представляют его собственные суждения по этому вопросу. Но здесь нужно четко отделить мысли, высказанные Шульгиным в передовицах 1913 г. и его более поздние оценки процесса, относящиеся к периоду Гражданской войны, эмиграции и уж тем более содержащиеся в воспоминаниях, опубликованных современными издателями собственных бесед с Шульгиным. Последняя группа источников не является авторством непосредственно Шульгина, им не записывалась и не редактировалась. Отделить в таких публикациях Шульгина от правок публикаторов невозможно, а потому относится к ним необходимо осторожно. Наиболее точно отражают позицию Шульгина в деле Бейлиса статьи 1913 г.

Дальнейшие его оценки несут на себе следы реакции на события послереволюционного времени — конфронтации с политическими противниками в Гражданскую войну и в эмиграции, а также его «примиренчества» с утверждением советского строя в России в период жизни в СССР, когда, если так можно выразиться, Шульгину стало «выгодно» акцентировать внимание своих собеседников на факте выступления против обвинения еврея, а не на том, почему он стал на защиту Бейлиса.

Обсуждение. Уголовный процесс, проходивший в Киеве с 23 сентября по 28 октября 1913 г., известный как «дело Бейлиса», на самом деле назывался «Дело об убийстве ученика Киево-Софиевского духовного училища Андрея Ющинского». Он приобрел печальную известность благодаря попытке доказать существование среди иудеев некой изуверской секты, совершающей ритуальные убийства христианских детей с целью получения крови для приготовления пасхальной мацы. Эту версию активно поддерживали и фактически выдвинули на первый план представители крайне правых, реакционно и антиеврейски настроенных кругов русского общества Российской империи, отодвинув в сторону реальную подоплёку преступления. Они навязали повестку дня и защитникам Бейлиса, для которых доказательство невиновности обвиняемого фактически отодвинулось на второй план перед разоблачением мифа о «кровавом навете».

Процесс стал одним из самых освещаемых в предреволюционной России. Исследователь Л.С. Гатагова указывает, что он всколыхнул не только русское общество, которое «разделилось на два лагеря», но и получил широкий международный резонанс, когда почти вся мировая пресса освещала процесс в Киеве [5, с. 152]. На киевском городском телеграфе пришлось даже устанавливать дополнительные телефонные аппараты для журналистов, т.к. ««Дело Бейлиса» вытеснило с газетных полос все остальные материалы» [28, с. 294]. Современник тех событий С.С. Ольденбург вспоминал: «Русская и заграничная печать проявляли огромный интерес к этому делу» [19, с. 101].

Сотни известных общественных, религиозных деятелей, представителей культуры в России, Германии, Франции, Великобритании подписали протесты против

преследования Бейлиса. Иосиф Лахман полагает, что и денонсация Конгрессом США в декабре 1911 г. русско-американского договора о торговле и мореплавании 1832 г. стала следствием волны протестов против антисемитского процесса [16, с. 2-3]. Но объективно подготовка к денонсации в США велась давно. Американский еврейский комитет проводил масштабную кампанию в стране по расторжению этого договора, т.к. он налагал на евреев — граждан США, пребывавших в Россию, те же ограничения, которые действовали и для российских подданных иудейского вероисповедания [21].

Когда начался суд над приказчиком Менахемом (Менделем) Тевелевым Бейлисом, обвинявшемся в совершении ритуального убийства Ющинского, В.В. Шульгин в редактируемой им газете «Киевлянин» — одной из популярнейших консервативных газет на юго-западе империи, высказал сомнение в обоснованности обвинений и заявил об опасности для России самого процесса. Шульгин писал: «Увы, не надо быть юристом, надо быть просто здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против Бейлиса есть лепет, который маломальский способный защитник разобьёт шутя. И невольно становится стыдно за киевскую прокуратуру и за всю русскую юстицию, которая решилась выступить на суд всего мира с таким убогим багажом». Шульгин указывал, что сами обвинители не верят в виновность Бейлиса. Для них главным было доказать ритуальный характер убийства — обвинение, которое Шульгин считал одним из «самых позорных суеверий». Он полагал, «что несправедливое дело не даст желанных результатов». Более того, может так стать, что сегодняшние обвинители окажутся в положении Бейлиса и их также безосновательно положат «на вивисекционный стол», когда понадобится найти виновников еврейских погромов [33].

Эта публикация и ряд других, написанных Шульгиным осенью 1913 г., лишь продолжили разоблачения махинаций вокруг дела, начатых журналистом С.И. Бразуль-Брешковским. Он на основе информации, полученной от бывшего начальника киевской сыскной полиции Н.А. Красовского, отстранённого от дела, опубликовал весной 1912 г. в «Киевлянине» (№ 148) статью, где указал на предвзятое ведение следствия по делу Бейлиса. Отчим Шульгина,

Д.И. Пихно — профессор Киевского Университета Св. Владимира, редактировавший газету до своей смерти в августе 1913 г., не верил в ритуальный характер убийства и виновность Бейлиса, а потому считал нужным опубликовать разоблачения Бразуль-Брешковского [22, с. 312-314; 41, с. 210]. Адвокат А.Д. Марголин, организовавший из еврейских общественных деятелей комиссию для помощи Бейлису и его семье, вспоминал: «Такой поступок со стороны весьма консервативной и антисемитской газеты произвёл глубокое впечатление... То был удар грома среди ясного неба! Подумать только, что газета, которую всегда считали одним из оплотов правительства и консерватизма, не говоря уже об антисемитизме, восстала против беззакония и произвола щегловитовской юстиции (имелся ввиду И.Г. Щегловитов, в то время министр юстиции Российской империи, активно поддерживавший ритуальную версию — Д.Б.)» [22, с. 320]. Сам Шульгин указывал, что опубликование в «Киевлянине» расследования Красовского вызвало в Государственной Думе «целую бурю» [41, с. 211].

Спустя некоторое время после кончины Пихно, В.В. Шульгин возглавил «Киевлянин». Начало его редакторской карьеры совпало с началом судебного процесса над Бейлисом. Правые консервативные круги рассчитывали, что Шульгин, являясь одним из ярких представителей монархического крыла Госдумы, поддерживавший запрос правых фракций от 29 апреля 1911 г. министрам внутренних дел и юстиции, фактически способствовавший переориентации следствия с поиска подлинных убийц мальчика на расследование «ритуальной версии» [8, с. 253-254; 22, с. 306, 320] и всегда откровенно высказывавший антиеврейские взгляды [30, с. 50], став редактором, переменит позицию «Киевлянина». Так, один из идеологов русского национализма, ведущий публицист «Нового Времени» М.О. Меньшиков, откликнувшийся на смерть Д.И. Пихно статьей, полной сочувствия и уважения к усопшему, писал, что ущерб «Киевлянину» от смерти Пихно мог бы оказаться «убийственным, если бы не даровитые сотрудники, которых воспитал старый профессор». И первым он отметил «блестяще талантливую В.В. Шульгина» [17, с. 446]. Меньшиков, однозначно ставший на позицию причастности евреев к убийству

Ющинского, причём, убийству ритуальному, совершённому накануне еврейской Пасхи (первая же его статья, посвященная этому вопросу — «Замученный ребёнок», не содержала и тени сомнения в том, что дело обстояло именно так [17, с. 357-359]), видимо хотел таким комплиментом показать Шульгину, что он считает его своим союзником. Однако надеждам не суждено было сбыться. Шульгин, давший клятву над гробом Пихно, что «неправда не запятнает страниц “Киевлянина”» [33], продолжил дело, начатое отчимом.

Статьи Шульгина, как писал один из первых исследователей процесса Бейлиса А.С. Тагер, «произвели настоящую сенсацию среди тех, кто близко стоял к процессу и следил за его перипетиями» [30, с. 104]. Советский исследователь Д. Заславский, современник тех событий, также указывал, что публикации в «Киевлянине» вызвали «эффект разорвавшейся бомбы» [10, с. 31]. Это же мнение подтверждал и С.С. Ольденбург: «Большую сенсацию вызвала статья В.В. Шульгина в старом правом органе “Киевлянин” (27.IX.1913)» [19, с. 101]. Еврейский общественный деятель А.А. Гольденвейзер отмечал, что статьи Шульгина во время дела Бейлиса «читались всеми, правыми и левыми» [7, с. 16]. Сотрудник МВД Л.К. Куманин, «представленный» к Госдуме, сообщал, что депутаты внимательно следили за киевским процессом и обсуждали его. Прекрасно зная позицию по еврейскому вопросу Шульгина, депутаты восприняли как сенсацию известие, что тот «написал в своём “Киевлянине” громовую статью против киевской прокуратуры и Министерства юстиции» [9, с. 12]. Хотя номер от 27 сентября был конфискован, он, тем не менее, по словам Заславского, «стал известен всей читающей России» [10, с. 31], так как часть тиража уже успела разойтись. В связи с этим, киевский губернатор Н.И. Суковкин докладывал министру внутренних дел Н.А. Маклакову: «Самая конфискация, первая за полувековое существование газеты, наделала много шума и обратила на статью редактора Шульгина гораздо больше внимания, чем она того заслуживала» [20, с. 320]. Интерес к статье Шульгина был столь велик, что в Киеве номера, которые успели распространить среди подписчиков до конфискации, перепродавали по 20 рублей, в то время как вся годовая подписка на «Киевлянина», выходивший практически каждый день, стоила 12 рублей.

Статью по телеграфу передали в редакции столичных газет, но, как сообщал Л.К. Куманин, «петербургские редакции не решились её напечатать» [9, с. 12-13]. Американский исследователь Киевского процесса, Морис Самюэл, подчеркивая приверженность Шульгина к законным способам ограничения прав евреев, который действительно не был сторонником погромов, называл парадоксальным сочетание в личности Шульгина приверженность к справедливости, представление о чести и его антисемитизм, как бы намекая, что не может быть порядочным человеком антисемит. Самюэл пишет, что будучи «блестителем» справедливости и законности, Шульгин не только «с презрением относился к махинациям в бейлисовском деле», но и публично выступил против них. Статья монархиста и антисемита, по словам автора, «разнеслась как громовой удар по всей России, а его эхо — во всем западном мире, уже следившим с напряжением за развитием событий в Киеве» [23, с. 162-163].

Правительство, по словам Тагера, отреагировало на выступление Шульгина «так, как оно в тот момент поступало со всеми теми, кто особенно резко выступал против “ритуальной” версии: оно привлекло Шульгина к судебной ответственности». Того обвинили в распространении «заведомо ложных сведений» о прокуратуре (в статье Шульгин заявил, что прокурор Киевской судебной палаты Г.Г. Чаплинский «запугал своих подчинённых и задушил попытку осветить дело со всех сторон») и привлекли к суду по ст. 1034⁴ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Согласно п. 3 этой статьи, виновный «в распространении посредством печати заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица ... сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение», приговаривался к заключению в тюрьму на срок от двух до восьми месяцев, или к аресту на срок до трёх месяцев, или к денежному штрафу не свыше 300 рублей. Как писал Шульгин по этому поводу: «Судьи знали, конечно, не хуже меня, что я не лгал. Я мог ошибаться, но не лгал» [41, с. 221].

Тем не менее, 20 января 1914 г. суд приговорил Василия Витальевича к трёхмесячному тюремному заключению, который ему не пришлось отбыть. Пока дело обжаловалось в вышестоящих инстанциях,

началась Первая мировая война, Шульгин ушёл добровольцем на фронт. Примечательно, что «дело Шульгина», воспринятое многими в российском обществе как незаконное и несправедливое, 15 октября 1914 г. удостоилось доклада министра юстиции Г.И. Щегловитова императору Николаю II. В адрес Шульгина люди направляли письма поддержки и сочувствия. Как отмечает историк С. Санькова: «В глазах общественного мнения произвол порождал произвол. Вчера пытались осудить беззащитного еврея, а сегодня осудили уважаемого человека, депутата Государственной Думы»[24]. По докладу Щегловитова, царём было принято высочайшее повеление освободить Шульгина от наказания, «предав дело о нём забвению». То есть, Николай II не помиловал Шульгина, а приказал считать, что против него дело вообще не возбуждалось. Известие об этом добралось до «амнистированного» только 20 января 1915 г., когда «неведомый полковник» доставил ему в действующую армию официальное сообщение о том, «что Государю Императору на докладе министра юстиции угодно было начертать “Почитать дело не бывшим”»[41, с. 224-225].

Реакция в обществе на статьи Шульгина (по «делу Бейлиса» в октябре — декабре 1913 г. им было написано несколько статей) была неоднозначной. Правые расценили жест Шульгина как «измену русскому национальному делу» и «отступничество от исконных русских идей»[30, с. 104]. Историк Г. Иоффе указывает, что позиция в деле Бейлиса, занятая «Киевлянином», считавшимся почти «официозным», явилась «совершенно неожиданной, чуть ли не сенсационной»[11]. Как вспоминал сам Шульгин: «На редакцию газеты обрушился целый поток самой отборной брани, причём немало было обвинений и в том, что “Киевлянин” куплен жидами»[41, с. 209]. М.О. Меньшиков, назвав статью Шульгина «легкомысленной», писал: «Если бы она появилась не в “Киевлянине”, не в старой твердыне русского народного дела, на эту статью никто не обратил бы ни малейшего внимания. Она прогремела по России как “скандал в благородном семействе”, серьёзного же значения общественного иметь не может»[18, с. 398]. Однако если бы действительно Меньшиков так низко оценивал статью Шульгина, вряд ли бы он стал её «развенчивать». Причём персонально против

Шульгина он выступил дважды: 6 октября 1913 г. в статье «Маленький Золя» и 13 октября в статье «Несчастье с В.В. Шульгиным»[17, 472-478; 18, с. 398-404]. И в дальнейшем, обращаясь к истории убийства Андрея Ющинского и суду над Бейлисом, он недобрым словом поминал Василия Витальевича и других защитников несчастного приказчика.

Полагаем, что причиной такой реакции было то, что правые очень болезненно восприняли выступление против «ритуальной версии», которую они рассчитывали использовать как козырь в политической борьбе против леволиберального лагеря, в рядах которого было не мало евреев. Поэтому они поспешили заявить, что редактор «Киевлянина» «подкуплен» иудеями. И если Меньшиков, хотя и зачислял Шульгина в разряд «еврейской гвардии янычар», говорил лишь о «гипнозе еврейском, не желая заподозрить русских прихвостней этого племени в чем-нибудь худшем»[18, с. 404], то другие авторы право-монархических изданий не были столь деликатны. Киевская газета «Двуглавый орёл» прямо обвинила Шульгина в том, что он продался евреям за деньги. Утверждали, что он был «подсахарен» богатым киевским сахарозаводчиком евреем Бродским, что деньги брал ещё и Д.И. Пихно на постройку мельницы. «Русское знамя» заявило о продажности всей фракции националистов, к которой принадлежал Шульгин. В итоге, фракция была вынуждена отмежеваться от него и высказала ему, «хотя и в мягкой форме», порицание. После этого Шульгин её покинул[19, с. 101]. В телеграмме Русского монархического союза имени Михаила Архангела, членом которого одно время являлся Шульгин, выражалось «неописуемое негодование» и скорбь от «предательства друга, которому верили и с которым вместе шли»[24]. Крайне правые ещё долго не могли простить «предательства» Шульгину и считали его зависимым от евреев[20, с. 167]. Наиболее «твердолобые реакционеры», по выражению составителей примечаний к работе А.С. Тагера, даже спустя годы, в эмиграции, попрекали Шульгина. Так А.В. Царинный в 1924 г. в письме к Н.Д. Жевахову, обращаясь к тем событиям, писал: «Ко всеобщему изумлению национально настроенных русских киевлян В.В. Шульгин ... выступил с бестактной статьёй в защиту Бейлиса». Эта

«измена», вспоминал он, произвела «тяжёлое впечатление» на «твёрдых русских». Но учитывая последующие «заслуги» Шульгина в борьбе с политическим еврейством, Царинный был склонен объяснять поступок Шульгина «плохой осведомленностью о тайнах жидовства...»[4, с. 99; 31, с. 216].

Зато Шульгин нашёл поддержку своей позиции в левой и либеральной среде. Примечателен такой эпизод. Когда в Госдуме зачитали выдержки из статьи Шульгина и социал-демократ Скобелев бросил реплику: «Крысы первыми бегут с тонущего корабля русского национализма», то «хор негодующих голосов устыдил его». Депутат Мансырев сказал, что хоть Шульгин и «антисемит, но антисемит эстетический» и он «искренний, честный и убеждённый человек». Прогрессист Ржевский отметил, что статья Шульгина — «громадный козырь для выигрыша дела». А.Ф. Керенский говорил даже, что своей статьёй Шульгин «восстановил доброе имя “Киевлянина” и снял с него тот херим («запрет», «отлучение» (иврит) — Д.Б.), который лежит на нём со времен освободительного движения»[9, с. 13]. А сам Шульгин позже рассказывал, что во время Первой мировой войны во Львове якобы его посетил старик-еврей, который поведал ему, что еврейский «митрополит», который «на целый свет», назначил «день и час» и повелел «по всему свету, где только есть евреи, что веруют в Бога», молиться за Шульгина[41, с. 227]. А. Бессмертный-Анзимиров полагал, что молились евреи за Шульгина, потому что его голос «звучал громче, чем голоса всех левых депутатов Думы, вместе взятых»[2].

Тем не менее, остался не до конца ясным вопрос о мотивах выступления Шульгина, имевшего последствием раскол во фракции националистов в Госдуме и в Киевском клубе русских националистов, членом которого тот был. В Думе раскол в августе 1915 г. даже был оформлен «официально» образованием «прогрессивно-национальной группы», вошедшей в состав Прогрессивного блока[15, с. 42].

Первым, ещё в начале 1930-х гг., высказался по поводу мотивов выступления Шульгина, А.С. Тагер. В своей работе он писал: «В действительности же Шульгин и в своём выступлении по делу Бейлиса не переставал быть ни консерватором, ни националистом, ни антисемитом. Но он был дальновиднее и предусмотрительнее своих

политических друзей и понимал тот неисчислимый вред, который будет этим процессом со всей его ложью принесён и делу антисемитизма и делу национализма и интересам политического консерватизма»[30, с. 104]. Издатели книги добавляли, что такие «умные черносотенцы и царисты», как Пихно и Шульгин, понимали, что процесс наносит «вред самой монархии», что, собственно, и случилось[30, с. 294]. По логике Тагера, Шульгина заботили только исповедуемые им идеологические ценности: русский национализм и монархизм.

Более сложно подходит к этому вопросу, специально обратив на него внимание, М. Григорьев, автор рецензии на первое издание книги Шульгина «Годы», выпущенной в 1979 г. советским «Агентством Печати Новости». Он, как и Тагер, тоже указывает, что «Шульгин 1913-го года был убеждённым антисемитом», стоявшим на позиции недопустимости отмены ограничений для евреев и дарования им равноправия. И его «нашумевшие ... статьи “за Бейлиса” вовсе не означали, что он отошёл от этой позиции»[40, с. 11-12]. Буквально через три дня после завершения судебного процесса Шульгин пишет в «Киевлянине» статью, где заявляет: «Мы утверждаем, что дарование евреям равноправия в России не только не уничтожило бы вражду между русскими и евреями, а наоборот, послужило бы началом такой острой, такой напряжённой, такой отчаянной национальной вражды и борьбы, какой, быть может, ещё не было на свете». Он считал, что сохранение неравноправия евреев, хоть и «раздражает и озлобляет еврейство», но ... «скорее смягчает национальную вражду», так как «в значительной степени сдерживает и смягчает нас, русских». А поэтому для Шульгина еврейское неравноправие — это «тяжкие кандалы и для евреев, и для русских»[32]. Но, если Шульгин остался антисемитом, то что же заставило его рисковать «репутацией русского националиста, и кругом подписчиков редактируемого им “Киевлянина” — газеты устойчивого правого направления»? По мнению М. Григорьева, так как Шульгин знал всю неприглядную подоплёку «дела Бейлиса», участие в фальсификации материалов и прочем официальных лиц государства — сотрудников МВД и Минюста, то именно это, прежде всего, и беспокоило Шульгина. Его тревожило «развращение государственного аппарата, сверху донизу,

соучастием в том, на чём был явный отпечаток преступлений — служебных и даже уголовных». Эти симптомы, как указывает М. Григорьев, он считал опасными для будущего страны, так как главным мотивом выступления Шульгина в «деле Бейлиса» было именно спасение России, «отождествляемой с монархией»[40, с. 11-12].

Отчасти сказанное Григорьевым переключается с тем, что говорил во вступительной статье к американскому изданию книги В.В. Шульгина «Годы» профессор Колумбийского Университета Джонатан Э. Сандерс. Он подчёркивал, что Шульгин «не изменил своего отношения к евреям в целом» и оставался, как и прежде, националистом. Тем не менее, «лжесвидетельства, правительственный заговор, абсурдные обвинения и общая некомпетентность стороны обвинения задевали его обострённое чувство справедливости и его веру в честность и независимость судов. Нарушение правовых норм оскорбляло его»[42, с. XII].

Если соображения М. Григорьева по поводу мотивов выступления Шульгина в защиту Бейлиса имеют под собой основание и во многом справедливы, то другой эмигрант из России, З. Гинзбург высказывал очевидно предвзятую точку зрения. Он заявил, что «Шульгина вовсе не тревожила судьба несправедливо обвиненного Бейлиса, когда он выступил в газете якобы в его защиту», этим он «преследовал совсем другую, прямо противоположную цель». Так как Шульгин, по внутреннему убеждению Гинзбурга, вообще «не мог в реакционной газете выступать в защиту Бейлиса», то на самом деле, он просто «понимал, что следствие велось неправильно, и поэтому призывал правосудие логично строить обвинение, дабы не опозориться перед всем миром»[6]. То есть, по идее Гинзбурга, Шульгин хотел добиться обвинения Бейлиса, но требовал сделать это более аргументировано. В статье Шульгина от 27 сентября 1913 г. действительно упоминается слабая аргументация следствия против Бейлиса, но в ней при всём желании нельзя найти призывов осудить Бейлиса, но «более аргументированно».

Как пример такой же нелепости, но другого направления, можно привести утверждение современного автора Т. Кальченко о том, что после того, как «Киевлянин» возглавил Шульгин, произошёл разрыв «авторитетной патриотической газеты

с монархическим движением», что явно обнаружилось в отношении издания к «делу Бейлиса». Тогда, пишет автор, «“Киевлянин” открыто начал защищать евреев и превратился в пособника врагов Самодержавия»[14, с. 357-358]. На самом деле ни газета, ни её редактор не изменили своей приверженности идеи монархии до последнего дня выхода издания. Не перестал выступать Шульгин и против увлечения евреями политикой. По его представлениям они должны были заниматься только торговлей, что у них получалось лучше всего.

Гинзбургу вполне резонно возражал А. Бессмертный-Анзимиров, указывая, что «Шульгин запросто мог “в реакционной газете” выступать в защиту Бейлиса хотя бы потому, что эта газета была его собственной». Что же касается мотивов выступления, то Бессмертный-Анзимиров полагал таковыми честность Шульгина, которая позже потребовала от него «постоянно резко критиковать Николая II и его гражданскую и военную администрацию» во время Мировой войны. Но главной причиной он называл то, что Шульгин «никогда не был идеологом антисемитизма». Ставить же в упрек Шульгину его требование к русской юстиции «быть на высоте положения», как это делает Гинзбург, по словам Бессмертного-Анзиминова, может «только носитель неандертальской морали», так как для представителей «традиционной — добольшевистской и внебольшевистской морали — выражение “быть на высоте” означает только одно — поступить по совести и по правде». В конце своей статьи он пишет: «Нравится это кому-то или нет, но В.В. Шульгин останется в истории как человек, который, даже будучи антисемитом, защищал еврея, подобно тому, как Шиндлер делал то же самое, будучи нацистом»[2]. Необходимо указать, что заявления автора о критике Шульгиным Николая II являются преувеличением, т.к. в то время лично царя он не критиковал. Его известные высказывания относительно персоны императора относятся к периоду после краха монархии. В основном они заключались в оценке Николая II как «милого, но слабого человека», не пригодного к трону. Что же касается антисемитизма Шульгина, то можно согласиться с тем, что он не был проповедником «пещерного» антисемитизма, не призывал к истреблению евреев, но высказывался

против их участия в политической жизни России[1, с. 209-251].

С.М. Санькова посвятила статью последствиям участия Шульгина в «деле Бейлиса». Она полагает что, выступая в защиту Менделя Бейлиса, Шульгин ни в коей мере не защищал «евреев в целом». Он по-прежнему считал, что нужно вести борьбу с еврейством, но, если уж вести эту борьбу, то делать это нужно по закону[24]. Действительно, Шульгин, спустя некоторое время после окончания процесса, написал: «Если народу тяжело жить с еврейством в мире, то у него имеются законные нормы борьбы. ... Изменяйте законы, делайте их строже или мягче, но достоинство народа требует, чтобы это были законы, а не незаконные»[34]. Именно незаконные действия государственных органов, призванных как раз следить за соблюдением законности, как таковое само по себе, по утверждению Саньковой, и беспокоило Шульгина. То есть, «предметом особого возмущения Шульгина» была топорная и провокационная работа следственных органов. Санькова добавляет также, что Шульгина, помимо прочего, заботил ещё престиж государства и монархии[24; 25, с. 266-270]. Таким образом, в оценке конкретных мотивов поведения Шульгина Санькова, по сути, повторила то, что говорил М. Григорьев.

Исследователь черносотенного движения в России, С.А. Степанов, обращаясь к истории Киевского процесса 1911-1913 гг., упоминая сенсационное выступление Шульгина, полагает его причиной то, что у Шульгина «открылись глаза на неприглядную изнанку дела Бейлиса» и он понял, что «средневековое судилище несёт огромный вред делу монархии» [29, с. 379]. Законы Российской империи были поставлены на службу откровенному заказу на обвинение случайно попавшего следствию под руку человека и на доказывание абсурдного, давно изжившего себя «кровавого навета». Что же касается манипуляций и подтасовок в «деле Бейлиса», то ими страдали не только следствие и сторона обвинения, но и защитники Бейлиса, активно переключавшие внимание следствия на банду Веры Чеберяк, которая якобы расправилась с Андреем Ющинским из-за опасения своего разоблачения этим мальчиком. Сомнительность данной версии и давление на следствие защитниками Менделя Бейлиса, в своих работах показал С.А. Степанов. Им

же высказана оригинальная версия убийства Ющинского маньяком [22, с. 301-331; 28, с. 265-321; 29, с. 360-395].

Сказанное выше относительно мотивов выступления в печати против обвинения Бейлиса, о том, что Шульгина беспокоила только «честь суда», а не судьба какого-то еврея, как бы подтверждал и он сам. Вспоминая уже в эмиграции события, связанные с этим делом, он отметил, что евреям тогда «показалось», что он заступился за них: «Не за них я заступился, — я заступился за русский суд»[38]. И в своей статье от 27 сентября 1913 г. Шульгин писал: «Мы были и всегда будем истинными друзьями русского суда ... мы защищали его всеми доступными нам средствами. ... Мы не устанем повторять, что суд не должен быть орудием ни левых, ни правых, а должен быть просто судом, тем прибежищем, где можно найти защиту против несправедливостей, продиктованных политической страстью»[33]. Эти слова, в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, он назвал главными, среди прочих «соображений», подвигнувших его к написанию статьи[8, с. 340]. Во время отбытия срока во Владимирской тюрьме после своего осуждения в СССР, Шульгин напишет целый том воспоминаний, посвящённых «главным образом ... сенсационному процессу Бейлиса», который назовет «Сахар» (отсылка к обвинениям со страниц правых изданий в адрес Шульгина в том, что он был «подсахарен» сахарозаводчиком Бродским). В последствии эти воспоминания войдут в «Бейлисиаду», часть книги «Годы». В 1958 г. в справке о своих рукописях, составленной для КГБ, Шульгин написал, что он, разыгрывая в том деле «роль маленького Зола (так в тексте — Д.Б.)... обвинил прокурора Палаты Чаплинского в том, что он подрывает достоинство русского суда тем, что давил на следствие во имя политики»[27].

А ведь именно «политические страсти» и возобладали в «деле Бейлиса». Как писал впоследствии начальник российской сыскной полиции А. Кошко: «Будь это дело предоставлено естественному ходу следствия, надо думать, что как убийцы, так и мотивы, руководившие ими, были бы обнаружены. Но дело сразу потекло необычным порядком»[11]. Сказанное о следствии, верно и по отношению к

судебному процессу, на котором главной темой был не Бейлис и не Ющинский, а «кровавый навет» на еврейский народ, т.е. обвинение евреев в совершении ими ритуальных убийств христиан. Один из главных сторонников этой версии, депутат Госдумы Г.Г. Замысловский, отвечая на замечание общественного адвоката Бейлиса и депутата Думы В.А. Маклакова — родного брата министра внутренних дел и активного сторонника ритуальной версии Н.А. Маклакова, о том, что его подзащитного оправдают, сказал: «Пусть оправдают, нам важно доказать ритуальность убийства»[22, с. 328]. Шульгин после беседы с Замысловским убедился, «что лица, настаивающие на предании суду Менделя Бейлиса, не только плохо верят в его виновность, но и очень мало интересуются ... обоснованностью обвинений против Бейлиса», так как для «вожаков правых» главным было «иметь возможность доказывать на суде, что евреи совершают ритуальные убийства христиан»[8, с. 382]. Именно по этому поводу разгорелись основные дебаты и на суде, и в русском обществе. Как заметил С.А. Степанов, суд над М. Бейлисом «имел уникальную особенность», которая заключалась в том, что «обвиняемый оказался в тени»[28, с. 307]. Присяжные, набранные в большинстве из простолюдинов (крестьяне, мещане и один почтовый чиновник), искренне недоумевали, говоря друг другу: «Як судить Бейлиса, колы разговоров о нём на суде нема?»[19, с. 101-102]. Бейлис стал способом решения политических задач. Оппозиционные царизму партии использовали это дело для критики правящего режима, а его «защитники» из правого лагеря всеми силами старались доказать существование среди иудеев тайной секты, совершающей кровавые ритуалы, что автоматически оправдывало все ограничительные меры против евреев.

Политическая борьба, развернувшаяся вокруг дела, имела ещё и экономический подтекст. Еврейская торгово-промышленная элита Киева опасалась, что возможные погромы (вероятность их подтверждали и сообщения жандармов) и ужесточение законодательства отразятся на их финансовых интересах. Хотя Г. Иоффе в своей статье продвигал мысль, что «еврейская сторона» пыталась оказывать влияние на ход следствия только из-за страха погромов[11]. Как указывалось выше, по инициативе присяжного

поверенного А.Д. Марголина был создан комитет для защиты Бейлиса, в который вошли, в частности, главный киевский раввин Ш.Я. Арансон, владелец кирпичного завода, на котором работал Бейлис, М.И. Зайцев, а также несколько киевских врачей и юристов. Был организован сбор средств в пользу Бейлиса и его семьи, оплачивались услуги адвокатов. А в процесс были привлечены известные по тем временам защитники: Д. Григорович-Барский, О. Грузенберг, А. Зарудный, Н. Карабчевский, В. Маклаков. Правые газеты заявляли, что «адвокаты куплены евреями за огромные деньги», назывались значительные по тем временам гонорары [12]. То, что по данному делу «ассигнованы громадные суммы» в одном из частных писем, перлюстрированных полицией, подтверждал и репортёр газеты «Киевская почта» И.М. Пугач, выступавший против осуждения Менделя Бейлиса[29, с. 373, 382].

В такой обстановке ни о какой объективности в оценках и выводах не могло быть и речи. И если одни с яростным упорством желали доказать виновность Бейлиса и бросить тень «ритуала» на всех евреев, то другие с не меньшими усилиями старались отвести «навет». При этом и той и другой стороной использовались и огульные обвинения, подкуп и давление на участников процесса. Как справедливо пишет С.А. Степанов, принцип «цель оправдывает средства» стал ведущим и для черносотенцев, и для «передовой общественности»[28, с. 316-318].

Именно против «политизации», увлечения сиюминутными выгодами, в ущерб справедливости и законности, прежде всего, и выступил Шульгин, а уж потом «за Бейлиса», «за престиж монархии» и «за русский суд». В августе 1915 г. те же мотивы заставили Шульгина протестовать против незаконного ареста 4 ноября 1914 г. пяти большевиков — депутатов социал-демократической фракции II Госдумы. Он считал его «крупной государственной ошибкой», т.к. «никакими соображениями нельзя оправдать привлечение и осуждение людей только за принадлежность к той фракции, которая невозбранно занимает здесь место (в Госдуме — Д.Б.)»[41, с. 373-376]. Шульгин голосовал против снятия с арестованных большевиков депутатской неприкосновенности. И это несмотря на то, что самих депутатов он считал «ничтожествами», которые «не умели слова путного сказать»[26, с. 251]. Ситуация в какой-то мере схожая с

делом Бейлиса. И здесь Шульгин, искренне презиравший революционеров и ненавидевший революцию, не считал нужным прикрывать политической целесообразностью нарушение закона.

В истории с Бейлисом Шульгин не встал на сторону противников режима. Оставаясь в стане националистов и монархистов, хоть это и выглядит несколько парадоксальным, свои требования обратил в адрес не противников, а соратников. При этом использовал довольно сомнительную, с этической точки зрения, аргументацию. Шульгин пытался «задеть за живое» национальные чувства своих «политических друзей», требуя, чтобы они в своей борьбе за Россию были достойны своего национального имени — русские. Он полагал, что принцип «цель оправдывает средства» не подходит для русских, так как «это есть изобретение католического монашеского ордена, всецело воспринявшего доктрины еврейства». Шульгин провозглашал, что русский народ «должен оставаться верным самому себе, своей природе и призванию» — «двуглавному орлу не следует перенимать лживого полета ночных птиц». Потому что «мы, русские, должны отличаться от еврейства ... тем, что наша русская этика, наши понятия о добре и зле, словом, наша душа должна быть неизмеримо выше этики народа, которому разрешены его законом все низости и мерзости, если они направлены против иноплеменников. Мы думаем, что в лукавстве, в бесстыдстве, в жестокосердии мы все равно евреев не перещеголяем. И потому ... нам надо идти своей дорогой под знаменем креста, ибо сказано “Сим победиши”!». Только так, «сохранив душу чистой, русский народ сохранит и своё место в истории мира...»[35] И в продолжение этой мысли весьма характерна оговорка Шульгина, сделанная им во время Гражданской войны в одной из своих статей по поводу мотивов защиты им чести суда: «“Киевлянин” не признавал Бейлиса убийцей Ющинского и выступал против привития русскому суду еврейских приёмов»[36]. Уже в эмиграции Шульгин, опровергая самого себя, говорил, что приписывать те или иные качества той или иной нации нельзя: «Все ... мы люди, все — человеки и, разумеется, постоянно грешим против своих же собственных идеалов ... Это показывает ещё раз, что душа человеческая, развиваясь, проходит одни и те же

этапы — на всем пространстве сей грешной земли, и что взгляд на добро и зло зависят только от сего развития, а не от цвета кожи или разреза глаз. В этом и состоит великое братство всех людей»[37].

В одной из опубликованных осенью 1913 г. статей в «защиту Бейлиса», Шульгин высказал сомнение, что его «слабый голос» будет услышан согражданами. Так и случилось. В условиях «черно-белой» конфронтации полутона не воспринимались. Логика человека, воспитанного на представлении о честности и благородстве как о долге избранного сословия — дворянства[3, с. 3], не поняли ни правые, ни левые. Шульгин действительно остался и антисемитом, и русским националистом. Но понимать это надо так, что его в первую очередь волновала судьба русских, а не евреев. Он опасался, что клевета «кровавого навета», ставшая чем-то вроде «футбольного мяча», обращаемая то в сторону христиан, то иудеев[41, с. 199–203], позорным пятном ляжет не только на отдельных беспринципных русских политиков, но и на весь русский народ. Такой взгляд весьма характерен для Шульгина. Он считал, что «люди одной национальности одним миром мазаны» и «все мы связаны одной нитью, и то, что совершается в каком-нибудь звене, немедленно отражается на всей цепи». Именно поэтому каждый представитель той или иной нации имеет право гордиться тем хорошим, что сделал его соплеменник, но в то же время нация несёт и «коллективную ответственность» за «дурные дела» отдельных своих членов[39, с. 143–146]. Шульгин считал, что защищать идеалы монархии и русского национализма можно только честными способами и с чистой душой.

Судьба же «простого еврейчика» Бейлиса, невиновность которого была для Шульгина очевидна, волновала его постольку, поскольку она переплелась с судьбой русской власти и русского народа. Только оправдательный приговор и мог «спасти честь русского имени перед лицом всего мира»[34]. Честь России и русского народа, в понимании Шульгина, как категория вечная, была для него важнее сиюминутной выгоды. Поэтому вполне понятна его «радость и ликование», когда Бейлис был оправдан. В своём отклике на оправдательный приговор суда присяжных, он писал, что, несмотря на «самые лукавые

искушения, — простые русские люди (имеются ввиду, присяжные заседатели — Д.Б.) нашли прямую дорогу ... Им, этим серым гражданам Киевской земли, пришлось перед лицом всего мира спасти чистоту русского суда и честь русского имени. Спасибо им». При этом ему было горько от того, что он видел «как те, кто стоят на вершине и должны были подавать пример этим тёмным низам, сбились с пути и пошли кривой дорогой, ослеплённые политической страстью». «Горько видеть вождей народных в роли искусителей и развратителей», — с сожалением добавлял Шульгин[41, с. 217]. Сам же он полагал, что гражданский долг, долг представителя «класса властителей» в «деле Бейлиса» им был выполнен: «И если за всю свою жизнь я был когда-нибудь истинно-русским, так это в тот день, когда я требовал от своих, от русских, чтобы они не марали себе руки и души еврейскими приёмами и еврейской этикой»[38].

Можно по-разному оценивать участие В.В. Шульгина в «деле Бейлиса». Но, по нашему мнению, прав М. Григорьев, считавший, что Шульгину при всём при том нельзя отказать «в его преданности России и мужестве расходиться с единомышленниками, если, по его убеждению, их пристрастия, предрассудки и действия способны были нанести ущерб России (какой он её видел и любил)»[40, с. 13].

Результаты. Подводя итог, необходимо отметить, что как современники процесса над Менделем Бейлисом, так и позднейшие исследователи, не могли не обратить внимание на «скандал в благородном семействе» — публичное выступление против осуждения Бейлиса, которое в глазах черносотенцев было равно признанию реальности ритуальных убийств иудеями христианских детей, В.В. Шульгина — одной из знаковых фигур правоконсервативного лагеря Российской империи. Однако ни те, ни другие не смогли уловить сути этого поступка, проникнуть глубже лежавших на поверхности объяснений, которые приводил и сам Шульгин. В чёрно-белой системе противоборства вокруг «дела Бейлиса», поступок Василия Витальевича либо осуждался, либо поддерживался, в мотивацию особо никто не вникал. Такие же настроения присутствуют и у части публицистов позднейшего времени. В исторической литературе поступок Шульгина объясняется

тем, что тот, выступая против беззакония, «спасал честь» русского суда либо монархии, что отчасти, верно.

Чтобы понять подоплёку поступка Шульгина, необходимо рассмотреть более широкий круг источников, а не одну, пусть и самую резонансную статью. Сам Шульгин неоднократно обращался к этой истории, упоминая те или иные мотивы, к которым необходимо относиться критически, учитывать фон, на котором делалось заявление. Например, в период Гражданской войны и в эмиграции, Шульгин пытался оправдаться перед соратниками за то, что защищал еврея, тем, что он якобы на самом деле встал на защиту суда. Если принять за подлинные его откровения, сделанные им во время жизни в СССР и опубликованные в настоящее время его собеседниками, то обращает на себя внимание акцент на национальности Бейлиса, что как бы затеняло его антисемитские взгляды. Поэтому необходимо обратиться к тем публикациям, в которых Шульгин размышляет не только о киевском процессе, но и о судьбе страны и русского народа, о долге властителей — правящего слоя людей.

Для Шульгина как политика было характерно стремление к некоторому аристократизму, которое не позволяло использовать в борьбе с противниками сомнительные методы. Следование принципу «noblesse oblige» и привело к тому, что тот выступил против бездоказательного обвинения Менделя Бейлиса. По этой же причине Шульгин требовал от представителей власти быть безупречными в плане следования нормам благородной дворянской морали, чтобы своим поведением давать пример достоинства и чести простолюдинам. А этого как раз не случилось в данном деле.

Что касается «кровавого навета», то в этот миф Шульгин не верил. Для него более реальной была угроза политизации еврейства. Полагая, что именно это является причиной роста антисемитских настроений в русском обществе, Шульгин призывал евреев вернуться к тому, что у них лучше всего получалось — к торговле, а русских политиков пытался оградить от того, чтобы они перенимали еврейские торгашеские приёмы обмана и жульничества. Подобные высказывания Шульгина говорят о том, что он как был убеждённым антисемитом, так им и остался, и не перестал им быть, когда выступил против несправедливого обвинения Бейлиса.

Действительно, следуя своей логике о достоинстве «класса властителей» и неприемлемости для них «еврейских» методов политической борьбы, Шульгин понимал, что резонансное дело ляжет грязным пятном и на следствие, и на суд, и на русскую монархию, сторонником которой он был в то время. Но его мысли и опасения простирались немного глубже. Своими выступлениями он спасал честь России и русского народа и их будущее бытие. Он не

хотел, чтобы ложные обвинения конкретного еврея, которые были очевидны для всех здравомыслящих людей, омрачили дальнейшее существование его страны и народа, чтобы и спустя годы русские и Россия ассоциировались с неправдой, дремучестью и отсутствием моральных принципов. Шульгин хотел, чтобы русские и Россия и дальше выполняли возложенную на них историей миссию с чистой совестью и гордо поднятой головой.

Список литературы

1. Бабков Д.И. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В. В. Шульгина в 1917-1939 годах. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 303 с.
2. Бессмертный-Анзимиров А. «Шульгин и дело Бейлиса» // Новое русское слово. 1997. 11 апреля // [Электронный ресурс] — URL: http://yakov.works/spravki/1_history_bio/19_1890/1878shulgin.htm (дата обращения: 12.08.2021).
3. Брыгин Н. Азбука. Документальное повествование // Вечерняя Одесса. 21 декабря. 1983. С. 3.
4. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Второй том. Март 1917 г. — январь 1920 г. Новый Сад: Русская типография С. Филонова, 1928. VIII, 457, [4] с.
5. Гатагова Л.С. Межэтнические отношения // Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002. С. 137-167.
6. Гинзбург З. Истинная роль Шульгина // Новое русское слово. 1997. 14 февраля // [Электронный ресурс] — URL: http://yakov.works/spravki/1_history_bio/19_1890/1878shulgin.htm (дата обращения: 12.08.2021).
7. Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний. (1917-1921 гг.) // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М., 1991. С. 161-303.
8. Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1999. 393 с.
9. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 3-27.
10. Заславский Д. Рыцарь монархии Шульгин. Л.: Изд-во «Прибой», 1927. 68 с.
11. Иоффе Г. Василий Витальевич Шульгин. 1878-1976 // Новый журнал. 2006. № 242 // [Электронный ресурс] — URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2006/242/vasilij-vitalevich-shulgin.html> (дата обращения: 12.08.2021).
12. Иоффе Г. Дело Бейлиса // Заметки по еврейской истории. №1 (277). январь 2021 // [Электронный ресурс] — URL: <https://z.berkovich-zametki.com/y2021/nomer1/gioffe/> (дата обращения: 12.08.2021).
13. Казакова Н.Ю. Публицистическая позиция В.В. Розанова в «деле Бейлиса» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 111-116.
14. Кальченко Т. «Киевлянин» // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского народа. Русский патриотизм. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 357-358.
15. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 528 с.
16. Лахман И. «Дело Бейлиса». К столетию знаменитого процесса // [Электронный ресурс] — URL: http://www.russianscientist.org/files/archive/Liter/2014_LAHMAN-30.pdf

(дата обращения: 14.08.2021).

17. Меньшиков М.О. Национальная империя. М.: Имперская традиция, 2004. 512 с.
18. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. 560 с.
19. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. В 2 т. Т. 2. М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс», 1992. 288 с.
20. Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам. Публикация Ю.И. Кирьянова // Минувшее: Исторический альманах. 14. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1993. С. 145-225.
21. Русско-американского договора о торговле и мореплавании 1832 г. // Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс] – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3522161 (дата обращения: 14.08.2021).
22. Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 432 с.
23. Самюэл М. Кровавый навет. Странная история дела Бейлиса / перевод Р. Монас. Нью-Йорк: Waldon Press, 1975. 294 с. // [Электронный ресурс] – URL: <http://jhist.org/shoa/beilis02.htm> (дата обращения: 14.08.2021).
24. Санькова С. Как дело Бейлиса превратилось в дело Шульгина // Проблемы этнофобии в контексте массового сознания. М, 2004. С. 95-110 // [Электронный ресурс] – URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/02800_logika/011_lekcii_raznie_38/1377.htm (дата обращения: 12.08.2021).
25. Санькова С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908 – 1917). Орел: С.В. Зенина, 2006. 370 с.
26. Сидоров В.М. Непадшее человечество. М.: ООО «АиФ-Принт», 2001. 359 с.
27. Справка о рукописях В.В. Шульгина, написанных во Владимире на Клязьме в 1947 – 1956 гг. // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Д. 62 а. Л. 15-15 об.
28. Степанов С.А. Чёрная сотня в России. 1905 – 1914 гг. М.: Изд-во ВЗПИ, А/О «Росвузнаука», 1992. 330 с.
29. Степанов С. Чёрная сотня. М.: Изд-во «Эксмо», Изд-во «Яуза», 2-е издание, доп. и перераб., 2005. 544 с., ил.
30. Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. К истории антисемитизма. М.: ОГИЗ. Государственное издательство «Советское законодательство», 1933. 308 с.
31. Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998. С. 133-252.
32. Шульгин В. [Передавая статью] // Киевлянин. 1913. 31 октября. С. 1.
33. Шульгин В. [Передавая статью] // Киевлянин. 1913. 27 сентября. С. 1-2.
34. Шульгин В. [Передавая статью] // Киевлянин. 1913. 1 ноября. С. 1.
35. Шульгин В. [Передавая статью] // Киевлянин. 1913. 25 сентября. С. 2.
36. Шульгин В. Vox populi – vox Dei // Киевлянин. 1919. 5 сентября. С. 1.
37. Шульгин В. Ев-Азия и Евр-Азия // Возрождение. 1927. 17 мая. С. 2.
38. Шульгин В. Слезы и цветы. III. («1919 г.») // Новое Время. 1924. 12 сентября. С. 2.
39. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб.: «Хорс», 1992. 286 с.
40. Шульгин В.В. Бейлисиада / Предисловие и примечания М. Григорьева // Память. Исторический сборник. Выпуск 4. М., Париж: YMCA-Press, 1979, 1981. С. 7-54.
41. Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2002. 588 с.
42. Jonathan E. Sanders. Introduction // Shulgin V.V. The Years. Memoirs of a Member of the Russian Duma, 1906 – 1917. New York: Hypocrene Books, 1984. Pg. VII-XVII.

THE CASE OF MENDEL BEILIS AND THE POSITION OF VASILY SHULGIN

The subject of the presented work is the paradoxical position of V.V. Shulgin (1878-1976), a Russian politician of the first third of the XX century, in the odious "Beilis case". In this story, Mendel Beilis himself became a bargaining chip in the political struggle of defenders of the foundations of traditionalism and monarchy with supporters of liberal and revolutionary views. Having a reputation as a staunch monarchist and anti-Semite, Shulgin unexpectedly stood up for the accused - a Jew by nationality, which caused a storm in the then Russian society. He also did not support the myth of the "bloody

covenant" – the accusation of Jews in the murder of gentiles (usually children) in order to obtain their blood for ritual purposes. Colleagues in the right camp turned away from him, and ideological opponents, on the contrary, enthusiastically supported him. Not only contemporaries, but also subsequent researchers turned to Shulgin's act, suggesting the motives of his demarche. But for various reasons, in our opinion, they did not give the right explanation. As a result of the study of sources on this issue, the author's interpretation of Shulgin's motivation is proposed. It is concluded that by becoming an unwitting "advocate" of the Jew Beilis and protecting the whole people from the "blood libel", Vasily Vitalievich thereby saved the honor of the Russian government, the Russian people and Russia. In Shulgin's eyes, involving Jews in politics was more dangerous than foolishly accusing them of ritual murders. He opposed the politicization of Jewry sharply and categorically. Some of the arguments he used will now obviously cause condemnation, but in the conditions of the political and legal system of the Russian Empire, Shulgin's statements were quite acceptable.

Keywords: V.V. Shulgin and the "Beilis case", anti-Semitism, "The Kievan", the monarchy, the court, Russia and the Russian people.

References

1. Babkov D.I. (2012) Gosudarstvennye i nacional'nye problemy v mirovozzrenii V. V. Shul'gina v 1917–1939 godah [State and national problems in the worldview of V. V. Shulgin in 1917–1939]. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). 303 s.
2. Bessmertnyj-Anzimirov A. (1997) «Shul'gin i delo Bejlisa» [Shulgin and the Beilis case] // Novoe russkoe slovo. 11 aprelja // [Elektronnyj resurs] – URL: http://yakov.works/spravki/1_history_bio/19_1890/1878shulgin.htm (data obrashhenija: 12.08.2021).
3. Brygin N. (1983) Azbuka. Dokumental'noe povestvovanie [The ABC. Documentary narration] // Vechernijaja Odessa. 21 dekabrja. S. 3.
4. Vospominanija tovarishha Ober-Prokurora Sv. Sinoda knjazja N.D. Zhevahova. Vtoroj tom. Mart 1917 g. – janvar' 1920 g. (1928) [Memoirs of Comrade Chief Prosecutor of the Holy Synod, Prince N. D. Zhevakhov. The second volume. March 1917-January 1920]. Novyj Sad: Russkaja tipografija S. Filonova. VIII, 457, [4] s.
5. Gatagova L.S. (2002) Mezhetnicheskie otnoshenija // Rossiya v nachale XX veka [Inter-ethnic relations // Russia at the beginning of the XX century]. M.: Novyj hronograf. S. 137–167.
6. Ginzburg Z. (1997) Istinnaja rol' Shul'gina [The true role of Shulgin] // Novoe russkoe slovo. 14 fevralja // [Elektronnyj resurs] – URL: http://yakov.works/spravki/1_history_bio/19_1890/1878shulgin.htm (data obrashhenija: 22.01.2020).
7. Gol'denvejzer A.A. (1991) Iz kievskih vospominanij. (1917–1921 gg.) [From Kiev memories. (1917–1921)] // Arhiv russkoj revolyucii. V 22 t. T. 6. M. S. 161–303.
8. Delo Mendelja Bejlisa. Materialy Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva o sudebnom processe 1913 g. po obvineniju v ritual'nom ubijstve (1999) [The case of Mendel Baylis. Materials of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government on the trial of 1913 on charges of ritual murder]. SPb.: Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin». 393 s.
9. Donesenija L.K. Kumanina iz Ministerskogo pavil'ona Gosudarstvennoj dumy, dekabr' 1911 – fevral' 1917 goda (1999) [Reports of L. K. Kumanin from the Ministerial Pavilion of the State Duma, December 1911–February 1917] // Voprosy istorii. № 8. S. 3–27.
10. Zaslavskij D. (1927) Rycar' monarhii Shul'gin [Knight of the Monarchy Shulgin]. L.: Izd-vo «Priboj». 68 s.
11. Ioffe G. (2006) Vasilij Vital'evich Shul'gin. 1878–1976 [Vasily Vitalievich Shulgin. 1878–1976] // Novyj zhurnal. № 242 // [Elektronnyj resurs] – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2006/242/vasilij-vitalevich-shulgin.html> (data obrashhenija: 12.08.2021).
12. Ioffe G. (2021) Delo Bejlisa [The Baylis case] // Zametki po evrejskoj istorii. №1 (277). yanvar'. // [Elektronnyj resurs] – URL: <https://z.berkovich-zametki.com/y2021/nomer1/gioffe/> (data obrashcheniya: 12.08.2021).
13. Kazakova N.YU. (2018) Publicisticheskaya poziciya V.V. Rozanova v «dele Bejlisa» [The journalistic position of V. V. Rozanov in the "Beilis case"] // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». № 11 (44). S. 111–116.
14. Kal'chenko T. (2003) «Kievljanin» ["Kyivlyanin"] // Svjataja Rus'. Bol'shaja Jenciklopedija Russkogo naroda. Russkij patriotizm. M.: Pravoslavnoe izdatel'stvo «Jenciklopedija russkoj civilizacii». S. 357–358.
15. Kocjubinskij D.A. (2001) Russkij nacionalizm v nachale XX stoletija: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossijskogo nacional'nogo sojuza [Russian nationalism at the beginning of the XX century: The Birth and Death of the ideology of the All-Russian National Union]. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN). 528 s.
16. Lahman I. (2014) «Delo Bejlisa». K stoletiju znamenitogo processa ["The Baylis case".

- To the centenary of the famous process] // [Elektronnyj resurs] – URL: http://www.russianscientist.org/files/archive/Liter/2014_LAHMAN-30.pdf (data obrashcheniya: 14.08.2021).
17. Men'shikov M.O. (2004) Nacional'naja imperija [National Empire]. M.: Imperskaja tradicija. 512 s.
 18. Men'shikov M.O. (2005) Pis'ma k russkoj narii [Letters to the Russian Nation]. M.: Izd-vo zhurnala «Moskva». 560 s.
 19. Ol'denburg S.S. (1992) Carstvovanie Imperatora Nikolaja II [The reign of Emperor Nicholas II]. V 2 t. T. 2. M.: Izdatel'skaja i reklamno-informacionnaja firma «Feniks». 288 s.
 20. Pravye v 1915 – fevrale 1917. Po perljustrirovannym Departamentom policii pis'mam. Publikacija Ju.I. Kir'janova (1993) [The right in 1915-February 1917. According to the letters illustrated by the Police Department] // Minuvshee: Istoricheskij al'manah. 14. M.; SPb.: Atheneum: Feniks. S. 145-225.
 21. Russko-amerikanskogo dogovora o trgovle i moreplavanii 1832 g. [The Russian-American Treaty on Trade and Navigation of 1832] // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya // [Elektronnyj resurs] – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3522161 (data obrashcheniya: 14.08.2021).
 22. Ruud Ch.A., Stepanov S.A. (1993) Fontanka, 16: Politicheskij sysk pri carjah [Fontanka, 16: Political investigation under the tsars]. M.: Mysl'. 432 s.
 23. Samyuel M. (1975) Krovavyy navet. Strannaya istoriya dela Bejlisa [Blood libel. The strange story of the Baylis case] / perevod R. Monas. N'yu-Jork: Waldon Press. 294 s. // [Elektronnyj resurs] – URL: <http://jhist.org/shoa/beilis02.htm> (data obrashcheniya: 14.08.2021).
 24. San'kova S. (2004) Kak delo Bejlisa prevratilos' v delo Shul'gina [How the Bailis case turned into the Shulgin case] // Problemy jetnofobii v kontekste massovogo soznaniya. M. S. 95-110 // [Elektronnyj resurs] – URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/02800_logika/011_lekcii_raznie_38/1377.htm (data obrashheniya: 12.08.2021).
 25. San'kova S.M. (2006) Russkaja partija v Rossii: Obrazovanie i dejatel'nost' Vse-rossijskogo nacional'nogo sojuza (1908 – 1917) [The Russian Party in Russia: Formation and activity of the All-Russian National Union (1908-1917)]. Orel: S. V. Zenina. 370 s.
 26. Sidorov V.M. (2001) Nepadshee chelovechestvo [Non-fallen humanity]. M.: OOO «AiF-Print». 359 s.
 27. Spravka o rukopisjah V.V. Shul'gina, napisannyh vo Vladimire na Kljaz'me v 1947 – 1956 gg. [Information about the manuscripts of V. V. Shulgin, written in Vladimir on the Klyazma in 1947-1956] // RGALI. F. 1337. Op. 4. D. 62 a. L. 15-15 ob.
 28. Stepanov S.A. (1992) Chjornaja sotnja v Rossii. 1905 – 1914 gg. [The Black Hundred in Russia. 1905-1914]. M.: Izd-vo VZPI, A/O «Rosvuznauka». 330 s.
 29. Stepanov S. (2005) CHjornaya sotnya [Black Hundred]. M.: Izd-vo «Eksmo», Izd-vo «Yauza», 2-e izdanie, dop. i pererab. 544 s., il.
 30. Tager A.S. (1933) Carskaja Rossija i delo Bejlisa. K istorii antisemitizma [Tsarist Russia and the Beilis case. On the history of anti-Semitism]. M.: OGIZ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Sovetskoe zakonodatel'stvo». 308 s.
 31. Carinnyj A. (1998) Ukrainskoe dvizhenie // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologija nacional'nogo raskola. Sbornik [Ukrainian movement]. M.: Moskva. S. 133-252.
 32. Shul'gin V. (1913) [Peredovaja stat'ja] [Editorial article] // Kievljanin. 31 oktjabrja. S. 1.
 33. Shul'gin V. (1913) [Peredovaja stat'ja] [Editorial article] // Kievljanin. 27 sentjabrja. S. 1-2.
 34. Shul'gin V. (1913) [Peredovaja stat'ja] [Editorial article] // Kievljanin. 1 nojabrja. S. 1.
 35. Shul'gin V. (1913) [Peredovaja stat'ja] [Editorial article] // Kievljanin. 25 sentjabrja. S. 2.
 36. Shul'gin V. (1919) Vox populi – vox Dei [Voice of the people – the voice of God] // Kievljanin. 5 sentjabrja. S. 1.
 37. Shul'gin V. (1927) Ev-Azija i Evr-Azija [Ev-Asia and Eur-Asia] // Vozrozhdenie. 17 maja. S. 2.
 38. Shul'gin V. (1924) Sljozy i cvety. III. («1919 g.») [Tears and flowers. III. ("1919")] // Novoe Vremja. 12 sentjabrja. S. 2.
 39. Shul'gin V.V. (1992) «Chto nam v nih ne nraivsja...»: Ob antisemitizme v Rossii ["What we don't like about them...": About anti-Semitism in Russia]. SPb.: «Hors». 286 s.
 40. Shul'gin V.V. (1979, 1981) Bejlisiada [Bailisiad] / Predislovie i primechanija M. Grigor'eva // Pamjat'. Istoricheskij sbornik. Vypusk 4. M., Parizh: YMCA-Press. S. 7-54.

41. Shul'gin V.V. (2002) *Poslednij ochevidec: Memuary. Ocherki. Sny* [The Last Eyewitness: A Memoir. Essays. Dreams]. M.: OLMA-PRESS Zvezdnyj mir. 588 s.
42. Jonathan E. Sanders. (1984) Introduction // Shulgin V.V. *The Years. Memoirs of a Member of the Russian Duma, 1906 – 1917*. New York: Hypocrene Books. Pg. VII-XVII.

Об авторе

Бабков Дмитрий Игорьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Финансовое и банковское право» Юридического института, Севастопольский государственный университет (Россия), E-mail: 903818@mail.ru

Babkov Dmitry Igorevich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Financial and Banking Law of the Law Institute, Sevastopol State University (Russia), E-mail: 903818@mail.ru